

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.12>

UDC 930.85

LBC 63.3(2)

Submitted: 25.08.2024

Accepted: 12.06.2025

THE “RUSSIAN IDEA” AS A SUBJECT OF MODERN RUSSIAN STUDIES

Svetlana B. Tokareva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The subject field of modern Russian studies as an interdisciplinary direction includes a complex of knowledge about Russia “in its historical existence.” In the structure of Russian studies, four main thematic blocks are distinguished: a complex of socio-political problems, cultural topics, problems of national psychology, and historical Russian studies. Within the framework of the latter, a reconstruction of the historically changeable meanings of the “Russian idea” is carried out in order to clarify its role in the formation of the subjectivity of the Russian people. *Methods and materials.* An ideographic research method was used, aimed at analyzing individual events of the past through identifying the specific historical views of representatives of Russian and foreign Russian studies and correlating them with value preferences, including those conditioned by their involvement in the confrontation of civilizational projects. *Analysis.* In Russian studies, the concept of the “Russian idea” is understood as the development of several philosophical concepts rooted in the emergence of new genres of historical literature in 17th-century Russia – namely, historical journalism and the historical novel. These genres facilitated the transition from medieval historicism to realistic literary fiction. The emergence of the “average” Russian person in literary works as an exponent of the national character and a bearer of the Russian mentality created the ground for the formulation of conceptual models of the “Russian idea” in the works of F.M. Dostoevsky, V.S. Solovyov, and N.F. Fedorov in the 19th century. Since then, the “Russian idea” has become an integral part of the “Western myth of Russia.” At the same time, representatives of foreign Russian studies consider the “Russian idea” in isolation from the philosophical soil that gave rise to it, seeing it as a “product” of the Russian national character and linking it with everyday life, ethnic characteristics, and the peculiarities of the Russian mentality. *Results.* Due to the fact that the Russian mentality was formed under the conditions of a series of spiritual schisms – the schism with the West, the schism of the Slavs, and the schism of the universal Church – it bears the imprint of the experience of overcoming them and the desire to assert its own civilizational project on the basis of solidarity. Thanks to the dialectical combination of the protective and projective aspects in the “Russian idea,” its conceptual understanding in modern Russian studies underpins the collective image of the bearers of the Russian mentality as a collective subject, which, exceeding the ethnic community in scope, retains the ability to implement its civilizational project in different eras, under different regimes of government and types of socio-political structure. *Funding.* The work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01661, “Russian mentality as a modal integrity.”

Key words: “Russian idea”, Russian mentality, foreign Russian studies, Russian national history, stereotypes about Russia, reception of the “Russian idea”.

Citation. Tokareva S.B. The “Russian Idea” as a Subject of Modern Russian Studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 146-156. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.12>

УДК 930.85
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 25.08.2024
Дата принятия статьи: 12.06.2025

«РУССКАЯ ИДЕЯ» КАК ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННОГО РОССИЕВЕДЕНИЯ

Светлана Борисовна Токарева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Предметное поле современного россиеведения как междисциплинарного направления включает комплекс знаний о России «в ее историческом бытования». В структуре россиеведения выделяются четыре основных тематических блока: комплекс социально-политических проблем, культурологическая тематика, проблемы национальной психологии и историческое россиеведение. В рамках последнего осуществляется реконструкция исторически изменчивых смыслов «русской идеи» с целью прояснения ее роли в формировании субъектности русского народа. Методы и материалы. Использован идеографический метод исследования, нацеленный на анализ индивидуальных событий прошлого через выявление конкретно-исторических взглядов представителей российского и зарубежного россиеведения и соотнесение их с ценностными предпочтениями, в том числе обусловленными их вовлеченностью в противостояние цивилизационных проектов. Анализ. В отечественном россиеведении концепция «русской идеи» рассматривается как развертывание ряда философем, интеллектуальной почвой для образования которых стало утверждение в русской литературе XVII в. нового понимания места человека в истории, что привело в дальнейшем к выделению исторической публицистики и исторического романа в качестве самостоятельных жанров, ознаменовавших переход от средневекового историзма к реалистическому литературному способу повествования. Появление в литературных произведениях «среднего» русского человека как выразителя национального характера и носителя русского менталитета создало почву для формулирования в XIX в. в произведениях Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова концептуальных моделей «русской идеи». С этого времени «русская идея» становится неотъемлемой частью «западного мифа о России». При этом представители зарубежного россиеведения рассматривают «русскую идею» в отрыве от породившей ее философской почвы, видя в ней «продукт» русского национального характера и увязывая ее с бытом, этническими характеристиками и особенностями русского менталитета. Результаты. В силу того, что русский менталитет складывался в условиях череды духовных расколов – раскола с Западом, раскола славянства, раскола Вселенской церкви – он несет на себе отпечаток опыта их преодоления и стремление к утверждению собственного цивилизационного проекта на основах солидарности. Благодаря диалектическому сочетанию в «русской идеи» охранительного и проективного аспектов ее концептуальное осмысление в современном россиеведении фундирует совокупный образ носителей русского менталитета как коллективного субъекта, который, превышая по охвату этническое сообщество, сохраняет способность к реализации своего цивилизационного проекта в различные эпохи, при различных режимах правления и типах социально-политического устройства. Финансирование. Работа выполнена при поддержке гранта Российской научного фонда № 24-28-01661 «Русский менталитет как модальная целостность».

Ключевые слова: «русская идея», русский менталитет, зарубежное россиеведение, российское отечествоведение, стереотипы о России, рецепция «русской идеи».

Цитирование. Токарева С. Б. «Русская идея» как предмет современного россиеведения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 146–156. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.12>

Введение. В широком смысле россиеведение – собирательный термин, используемый в социально-гуманитарном знании для обозначения комплекса знаний о России «в ее историческом бытования» [11, с. 39], объединяющего тексты самых разных жанров – от строго академических исследований до публицистики и эссе. В предметном поле современного россиеведения как междисциплинарного направления принято выделять четыре

основных тематических блока. Первый представлен широкой палитрой *социально-политических тем*, включающих проблемы российского этнического многообразия, становления и будущего русской (российской) цивилизации, историю российской общественной мысли, особенности политических систем и идеологий в России, роль России в международном сообществе и т. д. [16, с. 128]. Тематика *историко-культурологических про-*

блем ориентирована на изучение специфики социокультурной динамики, определение места в истории русской культуры православия и самодержавия, рассмотрения русского культурного ренессанса XIX – начала XX в. и т. д. [18, с. 25]. Третий блок включает проблемы *национальной психологии*, выражаемой через концепты «национальный характер», «русский менталитет», а также анализ стереотипов восприятия, участвующих в формировании образа России [22]. Четвертый блок – это *историческое россиеведение*, разделяемое на зарубежное россиеведение и российское отечествоведение [11; 14].

«Русская идея» составляет одну из важнейших тем исторического россиеведения. При этом в качестве предмета изучения она всегда дана субъекту исследования в определенной методологической и мировоззренческой оптике, выбор которой влияет на результаты ее описания и концептуализации.

Анализ истоков «русской идеи» осуществляется как с целью реконструкции ее исторически изменчивых смыслов, так и в связи с необходимостью прояснения ее роли в формировании субъектности русского народа. Резко возросший в начале XXI в. интерес к «русской идеи» стал зримым проявлением невероятного спроса на ревизию истории, возникшего в России в связи с кризисом идентичности в постперестроочный период. Кризис идентичности наносит удар прежде всего по субъектности социальных общностей, по их способности к проективному видению своего будущего. В этих условиях сообщество обращаются к прошлому в поисках своей легитимности, уверенности в «праве на существование». «В переломные моменты истории России, когда общество резко дифференцируется в оценке состояния и путей дальнейшего развития страны, исторические знания, представления и стереотипы приобретают особое значение. Все... начинают апеллировать к историческому опыту, представляющему собой коллективную память человечества, однако в большинстве своем “отнюдь истинствовать не могут”, скованные собственным эгоизмом, заблуждениями и незнанием» [7, с. 13].

Актуальность обращения отечественного и западного россиеведения к изучению истоков «русской идеи» обусловлена комплекс-

сом задач, связанных с выявлением субъектности русского менталитета, развенчанием сопряженных с ним стереотипов и определением роли «русской идеи» в качестве идейной и теоретической основы цивилизационных проектов будущего России.

Методы и материалы. Россиеведение как отрасль исторической науки в силу присущего ему междисциплинарного характера активно использует методы смежных социально-гуманитарных наук – культурной антропологии, социальной психологии, политологии, социологии [23]. Одновременно расширяется жанровый диапазон исследований: россиеведческая тематика все чаще выходит за рамки академической традиции в сферу публицистики, трэвел-журналистики, эссеистики. Также в россиеведении востребованы методологические новации, выработка которых связана с новыми течениями в исторической науке – социальной историей, микро- и психоисторией, историей ментальностей, исторической антропологией, теорией культурного трансфера и т. п., которые существенно потеснили позитивистскую историю [13; 29].

В наибольшей степени отвечает задаче исследования «русской идеи» как компонента интеллектуальной истории идеографический метод, нацеленный на анализ индивидуальных событий прошлого через выявление конкретно-исторических взглядов представителей российского и зарубежного россиеведения и соотнесение их с ценностными предпочтениями, в том числе обусловленными вовлеченностью интеллектуалов в противостояние цивилизационных проектов.

Разумеется, сохраняется востребованность позитивистского подхода, нацеленного на введение в оборот новых документов и фактов, реконструируемых в качестве моментов реального исторического процесса [1, с. 89; 15, с. 3]. При этом для россиеведения, которое является полем идеологической борьбы, весьма характерно «экзистенциально заинтересованное вопрошание», что обуславливает использование методологии, представляющей альтернативу так называемому объективному взгляду на историю, согласно которому прошлое, отделенное от нас временем, доступно нам в форме артефактов и документов.

Важную методологическую роль в теоретической рецепции «русской идеи» играет введенное Х.-Г. Гадамером понятие «действенная история» [10], а также раскрыта в трудах Г. Блюменберга мысль о современности как реципиенте, восприемнице предшествующих эпох, продолжающих в ней свое действие [3]. Это не только дает современным историкам, философам, политологам право, но и вменяет им в обязанность осуществлять рецепцию идей прошлого с позиций современности, где прошлое служит «оправданием» последней.

Большое влияние на зарубежные исследования России оказал постмодернизм. Так, анализ англоязычных национальных историй России, проведенный Мелиссой-Эллин Доулинг, показал наличие скрытых идеологических основ текстов и представлений о России на Западе. Она продемонстрировала использование историками литературных приемов, позволяющих создавать цельное изображение России как пограничной, «другой» нации путем искусственного «затирания» противоречий в повествованиях. Это свидетельствует о власти историков над нарративами, позволяющей им «создавать или разрушать» нации [34].

Анализ. «Русская идея» в современном зарубежном россиеведении и российском отечествоведении осмысливалась в различных мировоззренческих и методологических ракурсах [19]. Логика отечественного россиеведения исходит из того, что концепция «русской идеи» не является научной теорией, но представляет собой развертывание ряда философем, сложившихся с опорой не столько на научно-исторические тексты, сколько на историко-публицистическую, художественную и конфессиональную литературу¹. Так, С.Н. Кочеров определяет место «русской идеи» «между мифологемой и философемой»: «Русская идея не порождена чисто познавательным интересом к истории и культуре России, когда исследователь не ставит перед собой никакой другой цели, кроме получения истинного знания. Она проявляется в процессе осмысления мировоззренческого отношения субъекта к объекту, где субъектом является мыслящая личность, а объектом – сама Россия во всем богатстве ее жизненных явлений и образов. <...> ...Аргументом в пользу рус-

ской идеи как философемы является ее статус национальной идеи, проблематика которой... входит в предметную область целого ряда философских наук. <...> Однако... русская идея может открываться через образ, символ, аллегорию как формы художественного, мистического, религиозного ее постижения, отличного от рационального знания. В таком случае она представляет собой мифологему, а не философему» [20, с. 21, 28]. Таким образом, поиск истоков «русской идеи» ставит перед отечественными россиеведами комплекс задач, связанных с изучением развития в России *исторической книжности* – литературной, переводческой и жанровосозидающей деятельности допетровской эпохи. Особый интерес в этом отношении представляет последняя четверть XVII в., когда сложились жанры научной, историко-публицистической, художественной и богословской книги, ставшие в XIX в. основой рассуждений о путях развития России [7, с. 28].

В этот период параллельно происходят два значимых процесса: во-первых, переход от летописания к исследованию, приведший к формированию исторической науки (хотя относительно датировки этого процесса между историками существуют принципиальные разногласия²); во-вторых, бесспорно датируемый XVII в. переход в исторических книгах от средневекового историзма к реалистическому литературному вымыслу [6, с. 11], породивший те жанры, в лоне которых «русская идея» и была впоследствии сформулирована.

Для насыщенной идеологемами концепции «русской идеи» второй процесс оказался более чем значимым: в результате отказа от характерного для русской литературы XI–XVI вв. стремления к фактичности, выраженного в обязательности ссылок на свидетельства современников и использовании в качестве действующих лиц статусных исторических персонажей, изменилась сама нормативная система художественного обобщения [24, с. 202–205]. Этот процесс Д.С. Лихачев определяет как «парадоксальный»: на место абстрагирующего «историзма», когда конкретные, реально существовавшие личности и их биографии служили воплощением идеалов и с этой целью описывались в литературе «вне психологии, вне быта и, в известной мере, вне

национальной бытовой атмосферы» [24, с. 214] пришел реалистический вымысел, в котором никогда не существовавшие и безымянные герои описывались в единстве, в погруженности в реальную жизнь своего времени. Этот новый литературный герой – «безвестный, ничем в исторической жизни страны не примечательный, привлекающий внимание только тем, что читатель мог узнавать в нем многих – в том числе и самого себя, – интересный, иными словами, своей характерностью для эпохи» [24, с. 204] – вовсе не был «идеалом эпохи». В литературных произведениях появился «средний» русский человек как выражитель национального характера и носитель русского менталитета. Этим объясняется особенность литературных произведений XVII в., «до краев» наполненных бытовыми подробностями: «Характер человека раскрывается при помощи этих бытовых деталей, различных конкретных упоминаний и живого просторечного языка» [24, с. 214]. Появление в литературе безымянных личностей позволило писателям прототипически отображать характерные для русской истории типажи, в число которых в XIX в. вошел значимый для концепции «русской идеи» «праведник». Праведники-одиночки, не составляя группу в социологическом понимании, предстают в литературе XIX в. как воплощенный в художественном образе тип, выступающий результатом особого вида обобщения – соединения в одном герое типических черт, которые художник подсматривает и выделяет у конкретных людей, и черт, соответствующих идеалу святости или нравственного совершенства [30, с. 62]. Именно безымянность героя «облегчала путь... к созданию типических, вовсе не идеализированных образов» [24, с. 206], давая «обобщение невиданного размаха», вплоть до «человека вообще». Все, относящееся к русскости, оказалось здесь «обобщено и суммировано до крайних пределов» русской действительности, выраженных через судьбу русского человека, его характер и психологические особенности. Показательно, что этот «новый тип литературного обобщения понадобился только тогда, когда... понемногу, в результате земских соборов, народных ополчений, восстаний и протестов начала осознаваться роль всего народа, всей нарождающейся на-

ции в историческом процессе...» [24, с. 213]. Только при условии появления такого «среднего русского»³, «русского вообще» могла сформироваться русская национальная идея.

Важной проблемой отечественного российеведения является объяснение заключающегося в «русской идеи» диалектического сочетания проективного и охранительного аспектов. Истоки его обнаруживаются также в XVII в., в эпоху царствования Федора Алексеевича, когда закрепляется идеологическое противоборство Российского православного самодержавного царства с конструктивной повесткой внутреннего реформирования и внешней экспансии [5] и консервативной повестки охранения «Святой Руси» как не нуждающегося ни в каком развитии оплота «иконного благочестия» [4]. Доминированию образа Святой Руси в русском самосознании способствовало начавшееся в XVII в. развитие фольклорных жанров, тогда как задача демонстрации приверженности российского народа идеи государственности решалась преимущественно средствами публистики и историографии. Изначально локальный характер святорусской идеи, не позволявший ей претендовать на роль сакрального центра, объединяющего весь православный мир, был преодолен в эпоху царствования Федора Алексеевича, когда утвердился приоритет сакральных основ царской власти над родовыми [4, с. 38–39]. Тем самым была заложена проективная трактовка «русской идеи», воспринятая российским отечествоведением в качестве базовой исследовательской оптики.

На Западе в «русской идеи» видят почти исключительно продукт русского национального характера, порой напрямую увязывая ее с бытом, этническими характеристиками и особенностями русского менталитета. В этом отношении «русская идея» составляет неотъемлемую часть «западного мифа о России», изначально сформировавшегося на основе «литературы путешественников» [21; 35; 36; 40]. Труды представителей этого жанра, с одной стороны, заложили основы описания России как страны, в корне отличающейся от Запада, с другой – превратились в источник стереотипов о русском менталитете⁴. Е.В. Лаптева объединила эти устойчивые стереотипы в две группы [22]. Во-первых, это

«стереотипы чуждости», подчеркивающие отличие российского общества и культуры от западных. Среди них особенно выделяются стереотип тяги к страданию и покорности, пессимизм и фатализм [25; 26], а также противоречивость русского менталитета и культуры («метание между крайностями») [35]. Во-вторых, это «стереотипы враждебности», к которым относятся стереотипы об отсталости, жестокости, агрессивности, лживости, скрытности русского общества, обусловленные якобы характерной для него ксенофобией [2; 38; 39]. Подобные стереотипы играют роль установок, задающих весьма тенденциозные оценки: традиционализм трактуется как нежелание изменяться, мессианство осуждается как необоснованная претензия на лидерство, верность православию и русской православной церкви – как фактор культурной изоляции России. Комментируя подобные оценки, американский историк Мартин Малиа отмечает, что устойчивое восприятие России как антипода западного мира связано не с рациональной реакцией на конфликт интересов, а с иррациональным проявлением противоречий и фобий самой западной цивилизации [37, р. 7, 9].

Стремление вывести «русскую идею» из особенностей национальной психологии увязано (а чаще имеет сознательной целью) с попытками разорвать генетическую связь между «русской идеей» и породившей ее философской почвой. Так, А. Валицкий утверждает, что «русская мысль является частью европейской мысли»: «Согласно моей точке зрения, изложенной в ряде книг, нет какой-то особой уникальности русской мысли. Объясняя русские культурные течения в компаративистском плане, я показывал, что, хотя они оригинальны и интересны, все-таки их, по-моему, нельзя считать самобытными и исключительными в абсолютном смысле» [28, с. 283]. В «русской идее» он видит коренящуюся в русском национальном характере претензию на национальное превосходство, которое лишь для вида «закутано» в мессианский призыв к объединению разобщенного, разделенного на противостоящие друг другу культуры и народы человечества. Из этого А. Валицкий делает вывод о том, что термин «русская идея» лишен позитивного смысла, а стремление «за-

мыкаться в рамках какой-то русской идеи» является вредоносным [9, с. 72].

Существенным фактором, повлиявшим на тематику и подходы в современном россиеведении, стало изменение в конце XX – начале XXI в. характера глобализации. К середине XX в. в социальной теории утвердилась точка зрения, согласно которой обеспечить общественную солидарность и единство представителей разных культур и конфессий можно только на основе абстрактно-формальных ценностей мультикультурализма, «очищенных» от морального, национального и религиозного наполнения. Наиболее радикальной критике все формы социального единства подверглись со стороны представителей социального конструктивизма, отказывающих этносам и нациям в статусе коллективных субъектов. Так, Роджерс Брубейкер в работе с показательным названием «Этничность без групп» призывает мыслить этносы, расы или нации «в событийных терминах», видеть в них «не субстанциальные группы или сущности», а «культурные идиомы», «политические проекты», «случайные события» и т. п. [8, с. 29]. Аналогично, индийско-американский философ Хоми К. Бхабха утверждает, что нация – это всего лишь воображаемая общность, «метафора национальной жизни»: «Мы можем начать с того, что подвергнем сомнению эту прогрессивную метафору современной социальной сплоченности – “многие как одно целое”, – которую разделяют органические теории холизма культуры и сообщества, а также теоретики, рассматривающие гендер, класс или расу как социальные совокупности, выраждающие единый коллективный опыт» [33, с. 212].

Но если во второй половине XX в. еще сохранялись иллюзии относительно того, что цивилизационные достижения станут общим инструментом для движения к заявленным интегративным целям глобализационных процессов – преодолению барьеров между народами, порожденных разностью культур, языков и менталитетов, решению глобальных проблем современности и т. д., вследствие чего будут постепенно стираться политические и идеологические разногласия, то начало XXI в. выявило новую социально-политическую ситуацию. Глобализация привела к созданию союзов и блоков, организуемых по принципу

цивилизационной близости и сходства (реального или принимаемого в качестве цели). Внутри этих образований субъектность входящих в них стран постоянно ограничивалась, снижалась, в то время как цивилизационные различия между блоками росли и переходили в конфронтации. Возникла парадоксальная ситуация, когда в рамках союзов и коалиций высокоразвитые и высокоресурсные государства принимали солидарные решения в ущерб собственным интересам, фактически отказываясь от субъектности, в то время как неустойчивые сообщества брали на себя роль действующих субъектов.

Эта ситуация цивилизационного противостояния актуализировала тему прояснения цивилизационной специфики и тему цивилизационных проектов будущего. Как в России, так и в зарубежном россиеведении это привело к возрождению интереса к «русской идеи». Ее современная рецепция нацелена на решение специфической задачи, обусловленной, прежде всего, конфронтацией цивилизаций в мировой политике [32]. Определяя диалектичность положения России в мире через метафоры «крепость» и «мост», А.П. Цыганков, полагает, что перспективы России в будущем мироустройстве определяются, с одной стороны, тем, что она «бросила вызов западной либеральной идеологии и извлекла выгоду из исторически сложившихся семейных ценностей, национального суверенитета, сильного государства и великой державы» [41], а с другой – исторически длительной традицией межкультурного общения, под влиянием которой Россия никогда не шла по пути этнического национализма, сочетая «осознание собственной цивилизационной идентичности и... открытость другим цивилизациям» [31, с. 165]. Следовательно, вопрос заключается не в том, какими культурными или ментальными особенностями отличаются носители «русскости», а в том, что лежит в основании русского менталитета в качестве носителя субъектности, что позволяет ему, превышая по охвату этническое общество, оставаться основой российской цивилизации, сохраняющей способность быть политическим субъектом в различные эпохи, при различных режимах правления и типах социально-политического устройства.

Результаты. В условиях осмысления образа будущего России теоретическая рецепция «русской идеи» должна включать в себя определение истоков и следствий для Руси / России раскола с Западом; истоков и последствий раскола славянства; истоков и последствий раскола Вселенской церкви. Русский менталитет складывался в условиях череды духовных расколов общества, он несет на себе отпечаток этого опыта и неизбыточное стремление к его преодолению и построению русской цивилизации на основах солидарности. В этом смысле линия современного россиеведения, связанная с трансфером «русской идеи» в область политического дискурса, где она «нагружается» интерпретациями, превращающими ее в набор конкурирующих идеологем, обуславливающих черты характера носителей «русскости», должна быть признана периферической, дополнительной по отношению к центральной проблеме – поиску духовных оснований для построения образа цивилизационного будущего России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Показательно, что А.В. Гулыга связывает появление и развитие «русской идеи» почти исключительно с философским творчеством: «Главные носители русской идеи – Достоевский, Соловьев, Федоров. Их предшественники – Карамзин, Хомяков. Их последователи – Розанов, Бердяев, Булгаков, Франк, Лосский, Карсавин, Ильин, Вышеславцев, Флоренский, Лосев» [12, с. 14].

² Согласно распространенной в научной и учебной исторической литературе точке зрения, в России накопление знаний о прошлом принимает вид «конкретного исторического изучения» только в XVIII в., в эпоху петровских преобразований – то есть на век позже, чем в Европе, когда «русские люди начали свое знакомство с западно-исторической наукой» [27, с. 61–62], а в России появляется переводная историческая литература [27, с. 64]. Альтернативную точку зрения высказывает А.П. Богданов, доказывающий в противовес «привычному миражу великопетровской мифологемы», что заказ на создание подлинно научного обобщающего труда по российской истории был сформулирован в допетровскую эпоху царем Федором Алексеевичем Романовым и осуществлен выдающимися представителями русской книжности XVII в. – И. Римским-Корсаковым, С. Медведевым и А. Лызловым, научность трудов которых уже вполне «со-

ответствовала стандарту западноевропейских университетов периода научной революции XVII в.» [7, с. 12].

³ Термин «средний человек» был введен бельгийским социологом Адольфом Кетле, автором книги «Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей» (1835), в качестве аналога социальных закономерностей.

⁴ Несмотря на то что со времени путешествия А. де Кюстиня по России прошло уже почти два века, интерес к его труду не ослабевает. О том, почему эта книга оказалась «весыма упорной долгожительницей», размышляет Дж. Ф. Кеннан в своей книге «Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году»» [17, с. 5–8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библер В. С. Исторический факт как фрагмент действительности // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М.: Наука, 1969. С. 89–101.
2. Биллингтон Дж. Х. Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001. 879 с.
3. Блюменберг Г. Из книги «Легитимность нового времени» // Новое литературное обозрение. 2007. № 5. С. 10–25.
4. Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 2001. 492 с.
5. Богданов А. П. Конец «Третьего Рима» и утверждение имперского самосознания в последние годы Московского царства // Человек между царством и империей: культурно-исторические реалии, идейные столкновения, рождение перспектив: сб. материалов Междунар. конф. М.: Ин-т человека РАН, 2003. С. 47–59.
6. Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII века: очерки исторической мысли «переходного времени». М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 218 с.
7. Богданов А. П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII в. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 642 с. DOI: 10.23681/573484
8. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. 408 с.
9. Валицкий А. По поводу «русской идеи» в русской философии // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 68–72.
10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
11. Глебова И. И. О россиеведении в России и центре россиеведения ИНИОН РАН // Россия и со временемный мир. 2019. № 2 (103). С. 37–52. DOI: 10.31249/rsm/2019.02.03
12. Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. М.: Эксмо, 2003. 448 с.
13. Дмитриева Е. Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 302–313.
14. Зарубежное россиеведение / под ред. А. Б. Безбородова. М.: Проспект, 2013. 576 с.
15. Ильичёв А. А. Позитивистские стратегии реконструкции исторических фактов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2011. № 4. С. 3–7.
16. Ишутина Ю. А. Об основных направлениях развития россиеведения (по материалам Третьей международной научной конференции «Россиеведение как новое направление междисциплинарных исследований», г. Нанкин, КНР) // Известия Восточного института. 2017. № 3 (35). С. 128–131. DOI: 10.24866/2542-1611/2017-3/128-131
17. Кеннан Дж. Ф. Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году». М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
18. Кондаков И. В. Культурология: история культуры России: курс лекций. М.: ИКФ Омега-Л: Высш. шк., 2003. 616 с.
19. Кочеров С. Н. Русская идея: сущность и смысл. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2003. 186 с.
20. Кочеров С. Н., Парилов О. В. Философия русской идеи: монография. М.: Изд. дом «Русская Философия», 2022. 300 с.
21. Кюстин А. де. Россия в 1839 году. СПб.: Крига, 2008. 704 с.
22. Лаптева Е. В. Россиеведение: стереотипы и мифы // Высшее образование в России. 2003. № 4. С. 126–132.
23. Лаптева Е. В. Американское россиеведение 1970–2000 гг.: характерные черты социокультурных исследований: дис. ... д-ра ист. наук. 2005. 442 с.
24. Лихачев Д. С. От исторического имени литературного героя к вымыщенному // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1956. Т. XV, вып. 3 (май–июнь). С. 201–214.
25. Ранкур-Лафферрье Д. Рабская душа России: Проблемы нравственного мазохизма и культ страдания. М.: Арт-бизнес-центр, 1996. 302 с.
26. Ранкур-Лафферрье Д. Россия и русские глазами американского психоаналитика: В поисках национальной идентичности. М.: Ладомир, 2003. 286 с.
27. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 938 с.
28. Русская мысль является частью европейской мысли: (Интервью с Анджеем Валицким) // Русская философия за рубежом: история и современность: коллектив. моногр. М.: КНОРУС, 2017. С. 283–289.

29. Свак Д. Российская историческая наука – русофobia – россиеведение // Труды по россиеведению. 2010. № 1. С. 251–257.
30. Токарева С. Б. Энергийные мотивы в трансляции духовной традиции // *Logos et Praxis*. 2022. Т. 21, № 3. С. 60–67. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.3.6>
31. Цыганков А. П. Незаменимая Россия: крепости и мосты «Русской идеи» // Россия в глобальной политике. 2023. № 5 (123). С. 156–165. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-156-165
32. Цыганков А. П., Цыганков П. А. Глобальность и самобытность. Русская идея и международная теория в XXI веке. М.: Проспект, 2024. 280 с.
33. Bhabha H. K. DissemiNation: Time, Narrative, and the Margins of the Modern Nation // Nation and Narration. L.: Routledge, 1990. P. 211–218.
34. Dowling M.-E. Writing Russia. The Discursive Construction of An Other Nation. N. Y.: Taylor & Francis, Routledge, 2021. 200 p.
35. Hingley R. The Russian Mind. N. Y.: Scribner, 1977. 328 p.
36. Hingley R. Russia: A Concise History. L.: Thames & Hudson, 1991. 224 p.
37. Malia M. Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Massachusetts: Cambridge, 1999. XVI. 514 p.
38. McDaniel T. The Agony of the Russian Idea. Princeton: Princeton University Press, 1998. 212 p.
39. Oskanian K. Russian Exceptionalism Between East and West. N. Y.: Springer International Publ., 2021. 285 p.
40. Peris D. Custiniana: The Many Histories of a Single Trip to Russia 180 Years Ago, and Why It Matters Today // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2021. Vol. 22, № 2. P. 345–366. DOI: 10.1353/kri.2021.0017
41. Tsygankov A. P. The “Russian Idea” in International Relations. L.: Routledge, 2023. 190 p.
4. Bogdanov A.P. *Moskovskaya publicistika poslednej chetverti XVII veka* [Moscow Journalism of the Last Quarter of the 17th Century]. Moscow, Int-ros. istorii RAN, 2001. 492 p.
5. Bogdanov A.P. Konec «Tretyego Rima» i utverzhdenie imperskogo samosoznaniya v poslednie gody Moskovskogo carstva [End of the “Third Rome” and the Establishment of Imperial Identity in the Last Years of the Muscovite Empire]. *Chelovek mezhdu carstvom i imperiej: kulturno-istoricheskie realii, idejnye stolknoveniya, rozhdenie perspektiv: sb. materialov Mezhdunar. konf.* [Man Between the Kingdom and the Empire: Cultural and Historical Realities, Ideological Clashes, the Birth of Prospects: Collection of Materials of the International Conf.]. Moscow, Int cheloveka RAN, 2003, pp. 47–59.
6. Bogdanov A.P. *Letopisec i istorik konca XVII veka: ocherki istoricheskoy mysli «perekhodnogo vremeni»* [Chronicler and Historian of the Late 17th Century: Essays on the Historical Thought of the “Transitional Period”]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2019. 218 p.
7. Bogdanov A.P. *Ot letopisaniya k issledovaniyu: Russkie istoriki poslednej chetverti XVII v.* [From Chronicle to Research: Russian Historians of the Last Quarter of the 17th Century]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2020. 642 p. DOI: 10.23681/573484
8. Brubejker R. *Etnichnost bez grupp* [Ethnicity Without Groups]. Moscow, Izd. dom VShE, 2012. 408 p.
9. Valickij A. Po povodu «russkoj idei» v russkoj filosofii [“Russian Idea” in Russian Philosophy]. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 1, pp. 68–72.
10. Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevtiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p.
11. Glebova I.I. O rossievedenii v Rossii i centre rossievedeniya INION RAN [About Russian Studies in Russia and the Center for Russian Studies of the INION RAS]. *Rossiya i sovremennoj mir*, 2019, no. 2 (103), pp. 37–52. DOI: 10.31249/rsm/2019.02.03
12. Gulyga A.V. *Russkaya ideya i ee tvory* [Russian Idea and Its Creators]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 448 p.
13. Dmitrieva E.E. Teoriya kulturnogo transfera i komparativnyj metod v gumanitarnyh issledovaniyah: oppoziciya ili preemstvennost? [Theory of Cultural Transfer and the Comparative Method in Humanitarian Studies: Opposition or Continuity?]. *Voprosy literatury*, 2011, no. 4, pp. 302–313.
14. Bezborodov A.B., ed. *Zarubezhnoe rossievedenie* [Foreign Russian Studies]. Moscow, Prospekt Publ., 2013. 576 p.
15. Ilyichyov A.A. Pozitivistskie strategii rekonstrukcii istoricheskikh faktov [Positivist Strategies for Reconstructing Historical Facts]. *Izvestiya Saratovskogo*

REFERENCES

1. Bibler V.S. Istoricheskij fakt kak fragment dejstvitelnosti [Historical Fact as a Fragment of Reality]. *Istochnikovedenie. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy* [Source Studies. Theoretical and Methodological Problems]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 89–101.
2. Billington Dzh.H. *Ikona i topor: Opyt istolkovaniya istorii russkoj kultury* [Icon and Axe: An Experience of Interpreting the History of Russian Culture]. Moscow, Rudomino Publ., 2001. 879 p.
3. Blyumenberg G. Iz knigi «Legitimnost novogo vremeni» [From the Book “Legitimacy of Modern Times”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2007, no. 5, pp. 10–25.

- universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 2011, no. 4, pp. 3-7.
16. Ishutina Yu.A. Ob osnovnyh napravleniyah razvitiya rossievedeniya (po materialam Tret'ej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rossievedenie kak novoe napravlenie mezhdisciplinarnyh issledovanij», g. Nankin, KNR) [About the Main Directions of Development of Russian Studies (Based on the Materials of the Third International Scientific Conference “Russian Studies as a New Direction of Interdisciplinary Research”, Nanjing, China)]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2017, no. 3 (35), pp. 128-131. DOI: 10.24866/2542-1611/2017-3/128-131
  17. Kennan Dzh. F. *Markiz de Kyustin i ego «Rossiya v 1839 godu»* [Marquis de Custine and His “Russia in 1839”]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 240 p.
  18. Kondakov I.V. *Kulturologiya: istoriya kultury Rossii: kurs lekcij* [Cultural Studies: the History of Russian Culture: Course of Lectures]. Moscow, IKF Omega-L, Vyssh. shk. Publ., 2003. 616 p.
  19. Kocherov S.N. *Russkaya ideya: sushchnost i smysl* [Russian Idea: Essence and Meaning]. Nizhniy Novgorod, Izd-vo NGPU, 2003. 186 p.
  20. Kocherov S.N., Parilov O.V. *Filosofiya russkoj idei: monografiya* [Philosophy of the Russian Idea. Monograph]. Moscow, Izd. dom «Russkaya Filosofiya», 2022. 300 p.
  21. Kyustin A. de. *Rossiya v 1839 godu* [Russia in 1839]. Saint Petersburg, Kriga Publ., 2008. 704 p.
  22. Lapteva E.V. Rossievedenie: stereotipy i mify [Russian Studies: Stereotypes and Myths]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2003, no. 4, pp. 126-132.
  23. Lapteva E.V. *Amerikanskoe rossievedenie 1970–2000 gg.: harakternye cherty sociokulturnykh issledovanij: dis. ... d-ra ist. nauk* [American Russian Studies 1970–2000: Characteristic Features of Socio-Cultural Research. Dr. hist. sci. diss.]. 2005. 442 p.
  24. Lihachev D.S. Ot istoricheskogo imeni literaturnogo geroya k vymyshlennomu [From the Historical Name of a Literary Hero to a Fictional One]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i jazyka*, 1956, vol. XV, iss. 3 (May–June), pp. 201-214.
  25. Rankur-Laferryer D. *Rabskaya dusha Rossii: Problemy nравственного мазохизма и культа страдания* [Slave Soul of Russia: Problems of Moral Masochism and the Cult of Suffering]. Moscow, Art-biznes-centr, 1996. 302 p.
  26. Rankur-Laferryer D. *Rossiya i russkie glazami amerikanskogo psichoanalitika: V poiskakh nacionalnoj identichnosti* [Russia and Russians Through the Eyes of an American Psychoanalyst: In Search of National Identity]. Moscow, Ladomir Publ., 2003. 286 p.
  27. Rubinshtejn N.L. *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2008. 938 p.
  28. Russkaya mysl yavlyayetsya chastyu evropejskoj mysli: (Intervyu s Andzheem Valickim) [Russian Thought Is a Part of European Thought: Interview with Andrzej Walicki]. *Russkaya filosofiya za rubezhom: istoriya i sovremennost: kollektiv. monogr.* [Russian Philosophy Abroad: History and Modernity: Collective Monograph]. Moscow, KNORUS Publ., 2017, pp. 283-289.
  29. Svak D. Rossijskaya istoricheskaya nauka – rusofobiya – rossievedenie [Russian Historical Science – Russophobia – Russian Studies]. *Trudy po rossievedeniyu*, 2010, no. 1, pp. 251-257.
  30. Tokareva S.B. Energijnye motivy v translyacii duhovnoj tradicji [Energetic Motives in the Transmission of Spiritual Tradition]. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 60-67. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.3.6>
  31. Cygankov A.P. Nezamenimaya Rossiya: kreposti i mosty «Russkoj idei» [Irreplaceable Russia: Fortresses and Bridges of the “Russian Idea”]. *Rossiya v globalnoj politike*, 2023, no. 5 (123), pp. 156-165. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-156-165
  32. Cygankov A.P., Cygankov P.A. *Globalnost i samobytnost. Russkaya ideya i mezhdunarodnaya teoriya v XXI veke* [Globality and Identity. Russian Idea and International Theory in the 21st Century]. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 280 p.
  33. Bhabha H.K. DissemiNation: Time, Narrative, and the Margins of the Modern Nation. Bhabha H.K., ed. *Nation and Narration*. London, Routledge, 1990, pp. 211-218.
  34. Dowling M.-E. *Writing Russia. The Discursive Construction of an Other Nation*. New York, Taylor & Francis, Routledge, 2021. 200 p.
  35. Hingley R. *The Russian Mind*. New York, Scribner, 1977. 328 p.
  36. Hingley R. *Russia: A Concise History*. London, Thames & Hudson, 1991. 224 p.
  37. Malia M. *Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Massachusetts, Cambridge, 1999, XVI. 514 p.
  38. McDaniel T. *The Agony of the Russian Idea*. Princeton, Princeton University Press, 1998. 212 p.
  39. Oskanian K. *Russian Exceptionalism Between East and West*. New York, Springer International Publ., 2021. 285 p.
  40. Peris D. Custiniana: The Many Histories of a Single Trip to Russia 180 Years Ago, and Why It Matters Today. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2021, vol. 22, no. 2, pp. 345-366. DOI: 10.1353/kri.2021.0017
  41. Tsygankov A.P. *The “Russian Idea” in International Relations*. London, Routledge, 2023. 190 p.

Information About the Author

Svetlana B. Tokareva, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, svet-tok2008@yandex.ru, tokareva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4274-6444>

Информация об авторе

Светлана Борисовна Токарева, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, svet-tok2008@yandex.ru, tokareva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4274-6444>